

Фантом национального единства

Рудольф Роккер

1919

Всеобщее возбуждение и искусственно вызванные бури протеста, которые благодаря знаменитым «условиям мира» союзников, происходят во всех частях Германии, снова поставили «национальный вопрос» и проблему «национального единства» в центр общественной дискуссии. От «всегерманца» (имеется ввиду *Alldeutscher Verband*, довольно шовинистская организация – прим. перев.) до представителя современной социал-демократии по призванию, все едины в том, что национальное единство является основанием всякого культурного развития, и что расщепление народа должно вести, по закону природы, к закату и окончательной гибели его культуры. И вот, призывают, ругают, жалуются, проклинают, впадают в ярость или истерические подёргивания, смотря по политической программе, и всё это потому, что знаменитый и овеянный слухами триумвират в Версале объявил национальное разделение Германии и запрещает даже австрийцам разделить благодать национального единства.

Было время, когда все школы авторитарного социализма трактовали понятие интернациональности как полное растворение народов в абстрактной идее человечества. В ярком разнообразии жизни народов и языков видели только искусственно созданный барьер против стремлений к братанию угнетённого человечества и мечтали о наискорейшем упразднении всех этих отличий, введении общемирового языка, который должен был вытеснить все существующие языки, и подобных вещей. Эти наивные убеждения, чьи представители не имели ни малейшего представления о глубине проблемы, хотя и не совсем исчезли сегодня, в целом были вынуждены уступить место другим убеждениям. Современная социал-демократия, само собой, не имеет ничего общего с идеями своих предшественников периода так называемого «коммунизма подмастерьев». Она так же сдала позиции, которые занимала десятилетиями, и которую Маркс и Энгельс выразили в Коммунистическом Манифесте, когда заявили, что современный пролетариат не имеет отечества, и что у него, поэтому, нельзя отнять то, чего у него нет. Мысль, что не национальные и политические, но классовые различия и экономические противоречия являются важным фактором для рабочего класса, находит сегодня в социал-демократической партии только немногих отдельных приверженцев. Подавляющее большинство партии уже давно обнаружило у себя «национальное сердце» и считает защиту отечества

социалистической и пролетарской обязанностью. На сколько серьёзно отношение к обязанности, показала нам роковая политика вождей социал-демократического большинства за последние четыре с половиной года с классической отчётливостью; это показывает нам сегодня снова позиция социал-демократических государственных мужей, которые честно стараются снова разжечь дух 1914 года, чтобы ответить Клеменсо и его соратникам ясным «неприемлемо».

В принципе, эта позиция не удивляет; она есть только неизбежный продукт веры современной социал-демократии в государство. Кстати, она не социалистическая, но кто сегодня глуп настолько, чтобы подозревать социал-демократических вождей в социалистических настроениях!

Современный социал-демократ давно забыл зияющее различие между государством и обществом, если он вообще имел ясное представление об этом элементарном противоречии. И так как он может представить себе общество только в форме государства, то воспринимает народ только в смиренной рубашке нации. Но между народом и нацией – то же противоречие, как между обществом и государством. Общественная организация есть естественное образование, которое развивается снизу вверх под влиянием определённых потребностей и чьё основание есть восприятие общих интересов. Государственная организация – это искусственное образование, которое втискивается в человека сверху вниз, и чьё действительное назначение – защита интересов привилегированных меньшинств за счёт общности.

Народ – это естественный результат общественной организации, объединение (*ein Sichzusammenfinden*) людей, которое присутствует «внутри» посредством родственности происхождения, общих форм и особенностей их культуры, общего языка, обычаев, традиций и т.д. Эта общая черта живёт и действует в каждом отдельном члене народного сообщества и образует важную часть его индивидуального и коллективного существования. Оно (сообщество) не может быть искусственно выведено, как и насильственно разрушено, если только не уничтожить всех членов народа. Народ может быть подчинён чужой власти и его естественное развитие искусственно осложнено, но никогда не удаётся задуть его психологические и культурные особенности и предрасположенности. Напротив, как раз под игом они выступают ещё ярственнее и создают средство защиты для общности народа. Опыт, приобретённый англичанами с ирландцами, австрийцами с чехами и южными славянами, немцами с поляками и т.д. – классический пример непреклонной «вязкости» совместной жизни народа. И мы часто видим, что если поработанный народ в культурном развитии стоит выше, чем его угнетатели, последние, так сказать, впитываются более высокой культурой. Так воинственные орды монголов завоевали Китай и заставили китайцев принять монгольского императора, но по прошествии нескольких поколений монголы превратились в китайцев, так как их примитивная культура не могла сопротивляться величю и свободе китайской культуры. То же мы видели и в Италии, которая столетиями подвергалась нападению варварских орд. Но высокоразвитая культура Италии всегда побеждала грубое насилие варваров, которые только помогли омолодить и оплодотворить заново эту культуру. И это вполне естественно, ведь народ не даёт принудить себя к чужим обрядам, привычкам и мировоззрениям, как не заставить отдельного человека втиснуться в тесные рамки чужой индивидуальности. И если происходит сближение и постепенное растворение одной народности в

другой, то это происходит добровольно и бессознательно посредством естественного приспособления, но никогда путём грубого насилия.

Нация, с другой стороны – это всегда искусственный продукт правительственной системы, как и национализм, в принципе, не представляет собой ничего иного, как религию государства. Принадлежность к нации определяется не внутренними естественными причинами, но чисто внешними отношениями и причинами государственного резона. Горстка политиков и дипломатов произвольно решает о национальном существовании и будущем группы людей, которая просто должна подчиниться заповедям власти, не имея права сама решать. Так легли, к примеру, жители французской Ривьеры как-то вечером спать как итальянцы, а проснулись на утро как французы, потому, что конгресс дипломатов на ночном заседании решил их судьбу. Хеголандцы были частью английской нации и законоподданными британского правительства, но когда оно продало их Германии, радикально изменилась и их национальность. Ещё вчера их наивысшая заслуга заключалась в бытии передовым укреплением английской нации, после передачи острова их некогда наилучшее достоинство стало рассматриваться как самый чёрный грех. Таких примеров – огромное количество, они характерны для всей истории развития государства.

Как раз современное конституционное государство развило понятие нации и сущность национализма до их новейших последствий. Абсолютная монархия, которая представляет собой, так сказать, фетишистский период в истории развития государства, где король был видимым выражением всей системы, обращалась с широкими массами своих бесправных подданных, как с большим, предназначенным к доению, стадом. По этой причине она только в очень редких случаях призывала их на защиту страны, для которой она содержала армию профессиональных солдат. Только современное государство, которое, якобы, дало каждому своему гражданину право решать о правлении, введя всеобщее выборное право, развило идею права до, собственно, расцвета. Гражданин, которого загипнотизировали его новоприобретёнными политическими правами, должен был так же перенять и обязанности, вырастающие из этих «прав». Выборная урна стала жертвенным алтарём человеческой личности, выборный лист – свидетельством добровольного духовного и физического рабства. Французское якобинство сотворило первым абстрактное понятие государства и вместе с ним абстрактное представление о нации. С тех пор идея национального единства стала лозунгом демократических движений, который социал-демократия переняла от них, как сомнительное наследство. Национальное единство стало синонимом культурного наследия, символом народной жизни; каждое препятствие, учиняемое ему, становилось антикультурным фактором. И это *fable convenue*, эта сказка, которую молча приняли за правду, потянула за собой души, хотя история доказывает как раз противоположное: именно периоды национальной раздробленности были величайшими культурными эпохами человечества, в то время как периоды национального единства были эпохами культурного упадка и распада. Древняя Греция, будучи национально и политически раздробленной, дала нам, тем не менее, культуру, которая всё ещё считается примером. И когда, позже, Александр Македонский мечом соорудил «греческое единство», источники культурных сил и способностей иссякли, которые могли возникнуть только в свободе.

Великий период свободных городов средневековья, время Возрождения в Европе, было эпохой крайней национальной раздробленности и, тем не менее, в то грандиозное время родилась культура, с которой до сих пор ничто не сравнится. Внушительные памятники архитектуры, оставленные нам временем – вечное свидетельство этой блестящей фантазии и человеческого развития. Но позже, когда современное государство на руинах этой культуры развернуло стяг национального единства, тогда растаяли последние остатки культурного величия, как снег на солнце, и в Европе воцарилось грубое варварство.

Бросим взгляд на нашу собственную историю, и мы найдём только подтверждение того же самого проявления. Все богатые завоевания духовного величия и культуры Германии датируются временем нашей национальной раздробленности. Наша классическая литература от Клоппштока до Гёте и Шиллера, пьянящее искусство нашей романтической школы, наша классическая философия от Канта до Фейербаха, великая эпоха нашей классической поэзии – всё это принадлежит тому времени. Единое национальное государство, однако, отмечает упадок нашей культуры, пересыхание созидательных сил, триумф милитаризма и бездушной бюрократии, которая загнала нас в ужаснейшую катастрофу, о которой только может поведать наша история, как безвольное стадо.

И может ли быть иначе? Ведь единое национальное государство – ни что иное, как воплощённый принцип власти привилегированных классов, победа униформизма и шаблона над богатым разнообразием народного духа, триумф духовной дрессировки над естественным воспитанием и созданием характера, вытеснение личностного чувства падальным подчинением, одним словом – изнасилование свободы грубой государственной силой.

Это ясно распознал ещё Прудон, когда он ответил Маззини, выдающемуся представителю идеи национального единства в Италии, словами: «Каждый естественный характер в разнообразных ландшафтах страны теряется при централизации, это и есть настоящее имя так называемого единства. Большое централистское государство конфискует всю свободу провинций и общин в пользу высшей власти – правительства. Что же это единство наций в действительности? Растворение особенных и отличных друг от друга народов, в которых обитают индивидуумы, в абстрактной нации, в которой никто не дышит и никто не знаком с соседом. Так как у людей украдена возможность распоряжаться собой, требуется, чтобы привести эту огромную машину в движение, чудовищная бюрократия, легион чиновников. Чтобы защищать их изнутри и снаружи, требуется постоянная армия, служащие, солдаты, наёмники, так выглядит будущее нации. Это грандиозное единство требует славы, блеска, роскоши, импозантных чиновников, послов, пенсий, церковных чинов. В таком едином государстве всё протягивает руку, и кто оплачивает паразитов? Народ!

Кто говорит о единой нации, тот имеет ввиду нацию, которая продана своему правительству. Единство – это ни что иное, как форма буржуазной эксплуатации под защитой штыка. Так точно, политическое единство в крупных государствах есть власть буржуазии. От того буржуа и желает единого государства.»

Гениальный француз знал, чего ожидать, но немецкий Михель (собираТЕЛЬНЫЙ национальный образ, вроде русского Ваньки – прим. пер.), кажется, всё ещё не знает.

Этими рассуждениями, само собой, ни в коем случае не должны оправдываться бесстыдные условия мира союзников. Мы требуем права свободного самоисключения для каждой общины, каждой провинции, каждого народа и именно поэтому мы отвергаем сумасшедшую идею единого национального государства. Знаменитый «союз народов» господина Уиллсона не был для нас когда-либо чем-либо иным, как новым Святым Альянсом в капиталистическом одеянии. Те же самые господа, которые сегодня громко сокрушаются о союзниках, потеряли всякое право на протест, ибо они – плоть от плоти, кровь от крови, но они среди проигравших, и это – горькая пилюля, которая им не нравится.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Фантом национального единства
1919

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://www.aitrus.info/node/1090>
Das nationale Einheitsphantom. Из: Der Syndikalist, Nr.24, 1919 **Перевод с немецкого**
- Ndejra.

ru.theanarchistlibrary.org